

Коллин
Маккалоу

Colleen
McCullough

GOSPEL OF LOVE

КОЛИН МАККАЛОУ

*Евангелие
любви*

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(94)

ББК 84(8Авс)-44

M15

Серия «Поющие в терновнике»

Colleen McCullough

GOSPEL OF LOVE

Перевод с английского *А.А. Соколова*

Компьютерный дизайн *В.А. Воронина*

Печатается с разрешения издательства HarperCollins Publishers
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Маккалоу, Колин.

M15 Евангелие любви : [роман] / Колин Маккалоу ; [пер. с англ. А. А. Соколова]. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 608 с. — (Поющие в терновнике).

ISBN 978-5-17-100581-8

...Холод сковывает материк за материком, не хватает продуктов и топлива. Приняты суровые законы об экономии ресурсов и ограничении рождаемости...

Как пережить это мрачное время, не ожесточиться и обрести надежду на лучшее? Решительная и амбициозная Джудит Кэрриол, близкая к кругу властей предержащих, находит того, кому предстоит стать новым мессией человечества, — Джошуа Кристиана, человека необыкновенно доброго, честного и искреннего. Его заветы просты: вера, надежда, любовь. А обаяние его личности таково, что люди готовы идти за ним куда угодно.

Но сумеет ли он, Сын Человеческий Третьего тысячелетия, найти в себе мужество и силу не только исцелить миллионы страждущих душ, но и пройти свой крестный путь до конца?..

УДК 821.111-31(94)

ББК 84(8Авс)-44

© Colleen McCullough, 1985

© Перевод. А.А. Соколов, 2015

© Издание на русском языке

AST Publishers, 2017

ISBN 978-5-17-100581-8

I

Даже для января в Холломене, штат Коннектикут, ветер казался необыкновенно пронизывающим. Когда доктор Джошуа Кристиан свернул с Кедровой на улицу Вязов, порыв ветра со всей силой ударил навстречу — настоящий арктический вихрь с ледяными клыками и когтями. Он вгрызлся в кожу и царапал ее там, где лицо пришлось оставить неприкрытым, чтобы видеть, куда идти. О, Кристиан знал, куда идет, и хотел одного — не видеть этой дороги.

Как все казалось не похоже на прежние времена, когда улица Вязов была главной в черном гетто. Гордые люди в ярких, пестрых одеждах, повсюду смех, из дверей вылетает ребяшня на скейтбордах и роликах... Такие красивые детишки — ухоженные, искрящиеся весельем и всегда гурьбой, потому что улица — главное место, где можно играть и где происходят самые важные события.

Возможно, когда-нибудь в будущем Вашингтон и власти штата отыщут средства и решат, что

делать с северными гетто, но пока находятся более важные приоритеты, чем сотня тысяч пустующих трехквартирных домов в тысяче северных городков и поселков. Поэтому гниют посеревшие от непогоды доски, которыми забиты окна и двери, лупится со стен серая краска, падает с крыш серая черепица, крошатся ступени, в сером сайдинге зияют широкие щели. Спасибо ветру — хотя бы он нарушал тишину. Гудел в проводах над головой, нудно, тоскливо подвывал в узких проломах, всхлипывал и снова набирал полный голос, что-то бормотал, шевеля замерзшие листья и сбивая в кучу пустые банки, а затем гулко ударял в порожний мусорный бак у давно закрытого винного магазина и бара на углу Кленовой улицы.

Доктор Джошуа Кристиан был местным — родился, вырос, учился и повзрослел в Холломене. Он не представлял, что можно жить где-нибудь еще, и никогда об этом не помышлял. Он любил это место. По-настоящему любил заброшенный, с выселенными жителями, никому не нужный город. Вопреки всему любил. Холломен был его домом. И каким-то невыразимым образом город слепил его таким, каким он стал, — вот почему он пережил здесь все последние стадии его гибели. И теперь брел по обескровленным руинам.

Серый свет дня и все вокруг серое. Серые ряды опустевших домов, серая кора на деревьях

с облетевшими листьями, серое небо. *Я потрудился над этим миром, и он будет серым.* Цвет, лишенный цвета. Символ горя. Квинтэссенция опустошения. О Джошуа, даже в мыслях не надевай на себя серое!

Дальше было немного лучше. Он шел по улице Вязов, где иногда попадались обитаемые дома. В них неуловимо чувствовалось присутствие человека, хотя и брошенные жилища, и те, в которых еще оставались люди, выглядели одинаково. Оконные проемы забиты, как и выходящие на улицу двери, в щелях ни полоски света. Но ступени на крыльце выметены, трава примята и сайдинг из сверхтолстого алюминия выглядит новым.

Два дома доктора Кристиана были сразу за поворотом с улицы Вязов на Дубовую, неподалеку от большого перекрестка, где улица Вязов пересекалась с Семьдесят восьмой. Это примерно в двух милях от центрального городского почтамта, куда он этим серым днем ходил отправить письма и проверить свой почтовый ящик, поскольку почтальон больше не разносил корреспонденцию по домам.

Приближаясь с противоположной стороны к номерам 1045 и 1047 по Дубовой, главной городской артерии, названной так из-за восьмидесятилетних деревьев, чьи узловатые корни пронизали проезжую часть, доктор Джошуа ма-

шинально задержался и окинул взглядом свои владения. Отлично. Света не видно. Если бы свет пробивался наружу, это бы значило, что внутрь проникает воздух. Холодный воздух, который в доме совершенно не нужен. Вполне достаточно открыть и закрыть заднюю дверь и ведущую в неотапливаемый подвал бесполезную систему воздушного обогрева, чтобы проветрить, но в то же время не охладить помещение.

Два дома доктора Джошуа были такими же серыми, как почти все другие, и построены так же, как строили в конце двадцатого века — на три семьи. Но его два дома были связаны друг с другом на среднем уровне: их вторые этажи соединяла галерея. И их перестроили таким образом, чтобы они могли служить иным целям — в отличие от других трехквартирных жилищ. В 1045-м Джошуа принимал больных, а в 1047-м размещалась его семья.

Довольный, что все в порядке, доктор Джошуа, не потрудившись посмотреть по сторонам, перешел улицу. Машин в Холломене не было, а автобусные маршруты по Дубовой не проходили, и на всем пространстве улицы возвышались неровно смерзшиеся кучи снега высотой в три фута. Они лежали там, куда их набросали, когда чистили тротуары.

Вход в дома был со стороны двора. Доктор прошел под надземным переходом и повернул налево к номеру 1047. Никто из пациентов не

записывался, и он не хотел испытывать судьбу и заходить в 1045-й. Небольшая терраска, которой оканчивалась задняя лестница, была давно забита досками, в нее вела крепкая дверь, открывавшаяся в сторону ступеней. Открыв ключом дверь, доктор Джошуа оказался в самодельном тамбуре, дающем такую необходимую защиту от сурового внешнего мира. Еще один ключ и еще одна дверь, которая вела в настоящий коридор. Там он снял отороченную мехом шапку, повесил на крюк пальто, поставил на полку ботинки и, сунув ноги в тапочки, вошел в третью дверь, которая, в отличие от двух прежних, была не заперта. Наконец он оказался у себя дома.

Кухня. Мама стоит у плиты — а где же ей еще быть? Учитывая особенности ее характера и род занятий, ей бы больше пристало быть эдакой ворчуньей — женщиной за шестьдесят с морщинистым лицом и толстыми лодыжками. Джошуа рассмеялся нелепости этой картины. Мать обернулась, улыбнулась и радостно протянула к нему руки:

— Что тебя так рассмешило, Джошуа?

— Просто играю.

Эта женщина была матерью нескольких психологов. И оттого, что прекрасно знала это племя, временами казалась умнее и образованнее, чем была на самом деле. Как, например, сейчас, когда вместо того чтобы удивиться: «Игра? Что еще за игра?», спросила: «Какая игра?»

Джошуа сел на угол кухонного стола, поджал ногу и копался в вазе с фруктами, которая всегда стояла на этом месте, пока не выудил из нее сладкое, крепкое яблоко.

— Я вообразил, — ответил он, хрустя яблоком, — вообразил, что твоя внешность соответствует твоей нелегкой жизни. — Он улыбнулся своим словам, шутливо щурясь. — Представил, что ты старая и некрасивая, отмеченная печатью тяжелого труда.

Она оценила шутку и улыбнулась. Лицо ее расцвело, а на шелковистых щеках — там, где румянец над скулами переходит в молочную бледность, появились ямочки. Не знавшие косметики алые губы приоткрылись, демонстрируя великолепные зубы, огромные близорукотуманные голубые глаза светились под длинными черными ресницами живым здоровьем, в собранных в узел на затылке великолепных, золотистых, как спелая пшеница, волнистых, густых волосах не было видно ни пряди седины.

У Джошуа от удивления перехватило дыхание: он не переставал удивляться — ведь это же его мать — его мать! — и она самая красивая женщина из всех, которых ему доводилось видеть в жизни. Но сама она своей красоты не сознавала, нежно размышлял он. Удивительно, но в ней нет ни капли тщеславия. Хотя ему было тридцать два года, ей оставалось еще четыре месяца до сорок восьмого дня рождения. Она вышла замуж очень

рано: до безумия влюбилась в его отца, который был намного старше, и специально устроила так, чтобы забеременеть, не хотела, чтобы его терзали сомнения, можно ли жениться на столь юной красавице. Джошуа радовала мысль, что его отец не устоял перед соблазном обольщения.

Сам Джошуа помнил отца смутно — тот умер, когда ему едва исполнилось четыре года, и теперь он не мог с уверенностью сказать, были ли это его собственные воспоминания или отражение того, что он слышал от матери. Если, как говорят, он был копией отца, то вот уж бедняге не повезло. Что в отце было такого, чтобы в него влюбилась мать? Очень высокий, худой мужчина с черными волосами, карими глазами, землистой кожей, словно сдавленным к центру лицом и большим, узким, похожим на орлиный клюв носом.

Джошуа опомнился, почувствовав на себе любящий взгляд матери. Ее любовь была простой и чистой. Настолько ничем не запятнанной, что он не ощущал ее как бремя, а принимал без страха и чувства вины.

— Где все? — спросил он, подходя к плите, чтобы матери было удобнее с ним разговаривать.

— Еще не вернулись из клиники.

— Тебе в самом деле надо переложить некоторые домашние обязанности на девочек.

— В этом нет никакой необходимости. — Эта тема постоянно возникала в их разговорах. — У них хватает забот в сорок пятом.

— Дом слишком велик, чтобы управляться в нем одной.

— Трудно управляться, Джошуа, когда есть дети, а здесь детей нет. — В ее голосе послышалась нотка печали, но вместе с тем в нем не было никакого упрека. Она сделала над собой усилие и, взбодрившись, весело продолжала: — Во всяком случае, не приходится вытирать пыль. Это, наверное, единственное преимущество нынешней зимы. Пыль просто не способна проникнуть в дом.

— Я рад, мама, что ты видишь во всем положительную сторону.

— Хорошим бы я была примером для твоих пациентов, если бы ныла и жаловалась. Когда-нибудь Джеймс и Эндрю заведут детей, и вот тогда я опять окажусь в своей стихии — ведь их матери будут нужны в сорок пятом. В конце концов, я одна из всех обладаю материнским опытом — принадлежу к прошлому счастливому поколению, когда можно было заводить столько детей, сколько хотелось. А мне хотелось — о! — десятки. За четыре года родила четверых, и рожала бы еще, если бы твой отец не умер. Мне было даровано это счастье, и я никогда о нем не забываю.

Джошуа так и подмывало сказать: «Мама, какая же ты была эгоистка! Вы с отцом воспроизвели себя дважды в то время, как многие родители в Америке заводили по одному ребенку и

все больше людей задавалось вопросом, нужны ли дети вообще. Теперь четверо твоих отпрысков должны расплачиваться за вашу безответственность. Вот что нас на самом деле гнетет. А не холод. Не отсутствие удобств и возможности уединиться, когда мы куда-то едем. И даже не строгие ограничения, так противные американской натуре. Дети. Вернее, то, что их нет.

Запищал вызов внутренней связи. Мать Джошуа ответила на вызов, некоторое время слушала, затем, поблагодарив, положила трубку.

— Джеймс просит, чтобы ты пришел к ним, если свободен. Там миссис Фейн, она привела с собой еще одну пат-патку.

Доктор Джошуа решил, что, прежде чем встретиться с Патти Фейн и ее пат-паткой, ему следует переговорить с братом, и, чтобы миновать приемную, поднялся на один этаж и перешел в соседний дом по галерее. Джеймс встретил его в конце коридора со стороны сорок пятого.

— Только не говори, что у нее срыв, все равно не поверю. — Они направились в глубь среднего этажа, где находился кабинет доктора Джошуа.

— Она прекрасно держится, — ответил брат.

— Тогда в чем проблема?

— Я приведу ее наверх — пусть лучше расскажет сама.

Доктор Кристиан встретил Джеймса и миссис Патти сидя, но не за огромным столом, занимав-

шим весь угол комнаты, а на своем любимом бу-
гристом диване.

— Что случилось? — спросил он безо всяких
предисловий.

— Катастрофа. — Миссис Фейн устроилась
на другом конце дивана.

— В каком смысле?

— Началось все нормально. Девочки обрадо-
вались, что я вернулась после четырехмесячного
отсутствия. Их поразило, что я работаю с гобе-
ленами. Милли Тринг, скажу я вам, просто оне-
мела — не могла переварить новость, что я зара-
батываю деньги, помогая реставраторам древних
вещей.

— То есть причиной катастрофы стали вы?

— Нет, нет. Как я уже упоминала, все шло
прекрасно даже тогда, когда я им сказала, что к
срыву меня подтолкнуло письмо Бюро второго
ребенка, в котором меня информировали, что в
лотерею мне не повезло.

Джошуа пристально на нее посмотрел, но не
уловил признаков страдания от такого горького
разочарования. Хорошо. Очень даже хорошо!

— Вы признались, что пришли ко мне ле-
читься?

— Конечно. И как только эта новость
всплыла, Сильвия Стрингман тут же вылезла
со своими комментариями. Вы шарлатан, по-
тому что самый великий в мире психиатр Мэтт
Стрингман утверждает, что вы шарлатан. Навер-

ное, я влюбилась, иначе бы видела вас насквозь. Честно вам скажу, доктор, не знаю, кто из них худшее зло: Сильвия или ее муженек.

Джошуа сдержал улыбку и продолжал внимательно наблюдать за пациенткой. В этот день состоялось ее первое настоящее испытание: она впервые после срыва почувствовала себя достаточно сильной, чтобы пойти на собрание пат-паток.

Она была избрана старейшиной их сообщества, если можно так назвать семь женщин примерно одного возраста. Все они получили при крещении имя Патриция и дружили с тех пор, как судьба соединила их в одном классе холломенской школы. В результате все так слилось и перепуталось, что только старшей по возрасту Патти Фейн (или Патти Дрю, как ее звали в девичестве) разрешалось сохранить уменьшительное имя от Патриции. Хотя пат-патки отличались по характеру, внешности и этнической принадлежности, имена спаяли их в такой конгломерат, который ничто не могло разъединить. Все они поступили в Суортморский колледж, затем удачно вышли замуж за известных преподавателей или сотрудников Чаббского университета. Время шло, а они продолжали раз в месяц встречаться в доме одной из них. Их дружба была настолько крепка, что ее не могли поколебать ни мужья, ни дети, которые воспринимались сообществом как вспомогательные силы.